

И праздника не будет / рассказ

Category: Hekayalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

И праздника не будет / рассказ И ПРАЗДНИКА НЕ БУДЕТ

– Что ты делаешь на праздники? – спросил он и осекся. Стандартный и несуразный вопрос этот, отгремев в гулком пространстве лестницы, поразил теперь именно своей несуразностью и стандартностью. – На праздниках, милый, ничего не надо делать, – ответила она потупившись. – Праздновать...

Он услышал в голосе её безразличие и обрадовался. Суетная атмосфера праздников уже не волновала его, скорее удручала. Вот и у нее вопрос не вызвал энтузиазма, а это хорошо...

Сегодня, вообще, было легко, и он, смущенно поглаживая лоб, удивлялся какой-то счастливой пустоте в душе...

– Ты всех нас надула... ты выглядела в ту пору настоящей дурнушкой, – сказал он, – нет, нет, впрочем, не всех... Я разглядел, не так ли?

Говоря эти невесомые слова, он не ждет ответа. Он с беспричинной радостью, со странным удивлением разглядывает её робкую фигуру: «И в эту женщину я впервые был влюблен! И она действительно прекраснее, чем тогда в свои пятнадцать!»

Он подтягивает её к себе, утыкается в горячее лицо, ощущает мягкие губы, до которых двадцать восемь лет назад, совсем не так легко, как сейчас, а поборов жуткий страх, дотронулся своими. И то прикосновение было событием, изменившим все вокруг и его самого...

– Представь, я помню твой деревянный дом. И крыльцо, и запах снега в тот вечер. И как он скрипел под ногами... Трамвай помню, и подножку, и как цеплялся...

– Дома давно нет. Ничего там не узнать.
– Я тебя не видел восемь тысяч семьсот дней!
– Да? – Она откинула голову, поправила выбившийся шарф. – Подсчитал?

– Сколько раз поругались бы, а так изобрели хороший способ сохранить отношения, – он снова поцеловал её, – точнее, похоронить их...

– Ты спрашивал насчет праздников, так вот...

Наверху раздался шум. Она вздрогнула и замерла. И стояла в смешном оцепенении, пока кто-то выбрасывал мусор, сначала глухо стукнув крышкой мусоропровода, а потом выстрелив замком входной двери.

– Ты так смешно пугаешься...

– Неприятно... Я начала... Есть возможность на праздники уехать в пансионат. Предлагают горящую путевку.

– Путевку? – растерянно переспросил он.

– Да. Прохладной ладонью она погладила его по щеке. –

Путевку? Он восторженно осознал смысл её слов. – На три дня? И все дни мы будем вместе?

– Да, – сказала она, прижалась к нему, отвернув лицо. – Это возможно, но...

– Какие могут быть «но»! – почти вскричал он. – Послушай, это перст! Это награда нам, мне... После обшарпанных подъездов...

– Тише! – сказала она.

– Пусть! Нам за сорок, а мы, как подростки, прячемся на лестницах...

– Ужасно, но что поделаешь.

– Опять «но»? – Он отстранил её, возбужденно прошелся по бело-красным плиткам площадки, смело стуча каблуками. – Представляешь, если... Можно три дня не выходить из номера!

– Из номера? Отдельную комнату дают только супругам.

– Но есть же путевка! – удивился он! – И потом, мы же взрослые люди. Ты всё усложняешь, кому мы там нужны?

– Верно, никому. Вот нас и поселят в разных номерах, как положено по инструкции. Одноместных там нет.

- Но какое им дело?
- Не будь наивным, – она перегнулась за перила, поглядела вниз, в темноту пролёта.
- Ничего не объяснишь, пожалуй, – помолчав, согласился он. – Эти стражи нравственности... Они могут всё. Послушай, а путевка, часом, не заполнена?
- Нет.
- Тогда всё просто: мы достанет паспорта.
- Если бы...
- А друзья?! – тоном, отметающим все сомнения, воскликнул он.
- Друзья! У меня уйма друзей! Будут паспорта! –
- Он взял её за руку и весело потянул вниз, к выходу, к двери.
- Пойдём. Знаешь, за эти дни я вспомнил и проклял все свои преступления: глупые знакомства, бильярд, за которым много курил. Жизнь вроде бы и не нужна была. А тут ты...
- Куда ты меня тащишь?
- Мне кажется, что нам всю жизнь кто-то запрещал быть вместе... Всю жизнь запрещал, стерёг... Вот я радуюсь, как мальчишка, хотя смешно, всё это смешно. Ты почему развелась? Такой респектабельный мужик!..
- Свекровь... Мне не везло с ними. Эта возненавидела Катю.
- Но Катенька-то причем?
- А ни при чем. Катя – орудие мести. Начала придирааться к ней: громко хлопнула дверь, не туда поставила ботинки.

Они вышли в переулок. Ветер и дождь загнали людей в дома, и переулок выглядел непривычно: стал как будто шире, а дома – выше. Перебежали Садовое кольцо. Он держал её за руку. Она несколько раз натыкалась на него, и её желтый плащ с тоненьким писком терся о его куртку.

На Петровке, у низенького магазинчика, уже закрытого, прижавшись к стене, стояли люди – ждали автобуса.

- Такое впечатление, будто мы из другой жизни, – сказала она,
- И эти тоже... Все, кто сейчас под дождём. Они. Мы. Смешные: нашли дело в такой-то час! Несемся... Под дождём стоим...
- А почему ты развелась с первым мужем?
- Ты всё сразу решил выяснить? – голос её дрогнул. –

Достоевский был прав: любовь основана на недоговоренности. Люди. может быть, и любили бы долго, но они разговаривают... Всплывает много плохого. Надо поменьше говорить, растянуть информацию на годы...

– Мы все, когда собиралась наша группа, думали, что ты счастлива. Нам казалось, что ты одна только и счастлива. Твой первый развод всех ошеломил.

– Счастлива! Боже мой! Да, мы жили с Николаем тихо... И тихо развелись, но счастье... Откуда? Он был на тринадцать лет старше, сразу принял позу молчаливого хозяина. Только девчонкой можно было снести... Свекровь поставила мою кровать в проходной комнате. Знаешь, она регулировала нашу жизнь... Очень следила за здоровьем сына...

– Фантастика... И чего ты терпела?

– Умерла мама, ты в армии, куда было идти? Когда умерла мама, я оцепенела. Я жила лет пять съёжившись. Николай и свекровь двигались где-то рядом – как поезда мимо перрона. А когда пришла в себя – взбунтовалась. Детей там не хотели. Катю я родила, это смешно звучит, но случайно. Там ничего не было от любви. Знаешь, я чуть не стала стюардессой на международных линиях. Господи, что было, когда они узнали... Я прошла конкурс! Вон автомат, звони.

– Так... Но КОМУ? Игорю. Жетон? Есть, слава Богу. Значит, Игорю. Роскошная квартира, дача, и все такое...

– Хорошо живут.

– Да? За пятнадцать лет ни разу не видел их вместе вне дома. Каждый со своими друзьями. А теперь Игорек все больше мрачнеет.

– Ты думаешь, они дадут?

– А почему нет! Дадут.

– Ну, ну... Он придержал дверь кабины: Входи!

– Нет, – покачала она головой. – Ты один. Я подожду.

Он набрал номер и начал без обиняков.

– Слушай старик, мне нужны ваши паспорта на праздник.

Он рассказал, что встретил свою первую любовь. Он рассказал, как она необыкновенно выглядит, что, если отгадывать возраст, легко ошибиться лет на пятнадцать. Он рассказал, что её муж тянет с обменом, потому что меняться вообще не желает, но обещал купить ей хорошую квартиру.

Он говорил уже много ненужного, лишнего – и вдруг понял, что делает это от растерянности, оттого, что там, на другом конце, Игорь молчит, упорно молчит...

Она ходила рядом с будкой: два шага в сторону, словно собираясь уйти. Потом резко поворачивалась и возвращалась. И старалась не смотреть в его сторону. Когда же он медленно вышел из будки, напряженно смотря себе под ноги, ничего не говоря, достал сигареты и прикурил из горсти, она взяла его под руку, и они долго шли молча, автоматически останавливаясь перед +снующими машинами.

Лишь проходя мимо старинной каменной стены, он, повернувшись к ней, сказал:

– Представляешь, он испугался! Ну да – испугался. На работе у него обстановка – хуже не придумаешь. В подчинении два кандидата, а Игорь никак не может защититься. Толковый мужик, с хорошими руками... Слушай, а ведь сожрут его теперь кандидаты, а? Ужас! Но и смешно, ведь правда?

– Смешно? Он ведь солгал...

– Все равно смешно... Ладно, позвоню-ка я Толяну! Это вариант! Живут, как мыши, без катаклизмов. Где тут поблизости телефон?

Он пошел широким шагом, не замечая, что она еле поспевает за ним.

Он стремительно зашел в будку, уже не приглашая её.

Говорил коротко, резко, отрывисто, но, повесив трубку, выглядел удрученным.

– Не может, – упавшим голосом сообщил он ей, – грядет загранка, и, видишь ли, вот-вот начнут собирать паспорта... Это на праздник-то!.. Знаешь, а он тоже испугался. Даже голос изменился. Начал с того, что мы не похожи с ним, а кончил загранкой. Вынудил человека соврать... Обзвоню-ка я их сейчас всех! Это даже интересно...

Он с каким-то азартом сунулся в будку. Она теперь не ходила взад-вперед, а стояла неподвижно, ждала. И старалась не думать, что он там говорит и что ему отвечают.

– Ну, – виновато спросила, когда он вышел и встал рядом.

– У Клюевых занято, позвонил Серёге. Серёга этот виолончелист, неплохой музыкант. Долго рассказывал поучительную историю. Какой-то писатель прихватил в командировку паспорт жены, а там жил в гостинице с секретаршей. Попался, разразился скандал на всю губернию. И так далее. В назидание рассказал.

– Не расстраивайся. Этого следовало ожидать.

– Не в этом дело! Он ведь развратник, гнусный развратник! Сам же мне сто раз рассказывал про свои уроки музыки... Нет, но каким тоном! Слушай, я ему сейчас перезвоню!

– Не звони больше. У тебя голос дрожит.

– После его сентенций мне страшно дотрагиваться до тебя...

– Ханжество от ущербности. Тебе не приходило в голову, что все эти моралисты – неполноценные?

– Философия... А документов нет.

– Какие вы, мужики, чистюли! И ты... Что мы стоим под дождем?

– Да, дождь, – рассеянно отозвался он. – Что значит чистюля?

– Помнишь, как ты ревновал меня на том проклятом вечере? Чистюля... Поломалась вся жизнь. Из-за чего? Я же была дурнушкой! Ты же сам сказал сегодня. И мне казалось, ты должен гордиться, что мной интересуются...

Он не смотрел на неё.

– Пойдем, мы никак не сдвинемся с места.

– А можно я у тебя спрошу? Ты когда-нибудь изменял своей жене?

– Не успел.

– Ну, а её ты ревновал?

– Ревновал. Но разошлись мы по другой причине. Она заявила, что мы нищие.

– Нищие? Но ты же хорошо зарабатывал!

– Как знать. Мы начинали с нуля. Хотя я был ошарашен таким

заявлением и долго не мог простить, теперь, как ни странно, согласен с ней. Да! Она была права. Она говорила, что женщины к сорока годам сплющиваются. Она не хотела сплющиваться – потому и требовала от мужчины многого. А я оказался слабаком. Ты в сорок цветёшь, значит, твои мужья смогли оградить тебя.

– Ты не то говоришь. С Ильёй мы не знали нужды, это так. Но разве... Нет... При чем здесь достаток?

– Ладно... Какой-то француз сказал, что если у мужчины нет женщины в постели – она у него в голове.

– Ты злишься? Давай-ка я позвоню подруге. Правда, она тоже трясется за работу, должность выборная. Но муж у неё сейчас в больнице.

– Выборная должность? Не даст.

Теперь он наблюдал за ней – как она сняла трубку, и каштановые волосы упали ей на руку, как она сосредоточенно слушала. Вдруг вспомнился крах, пережитый им много лет назад, когда мгновением раньше, чем все рухнуло, им владело пьянящее осознание возможной близости с ней. И воспоминание странным образом насторожило его. Вот и сегодня, там, на лестничной клетке, перехватило дыхание.

Мыслимое счастье буйно потревожило воображение. Фатальная аналогия даже испугала его: тот же праздник, такая же ненастная, дождливая погода... У него больно сжалось сердце, когда она тонкой рукою своею защищала, словно от пощечины, лицо, а пригоршни блестящего дождя все равно осыпали её лоб и глаза... Какой, однако, идиотский «спектакль» он затеял!

– Нет! – Сказала она, выходя из тесной будки. – Нет.

Случись что – сущая для неё гибель. Я ужасно боялась, что она тоже соврет. Слава Богу, обошлось... Просто боится. Проводи меня, я поеду к Кате...

Они снова шли по темному переулку.

В ядовитом свете летели наискось грязноватые листья, впитавшие за свою недолгую жизнь всю копоть и пыль города.

Теперь, измученные и усталые, с молчаливой безысходностью прилипали они к мокрому блестящему асфальту.

– Тебя удивили твои друзья? – неожиданно спросила она.

– Немного.

– Хочешь... Хочешь попытаться оправдать их?

– Как?

– Представь: мы – муж и жена. И к нам вдруг обращаются... ты дал бы паспорт.

– Я? Да, Господи! О чем речь!

– Нет, ты подумай...

Он с тоской посмотрел на нее.

Под взглядом напрягся. Представил: вечер, уютная комната, допустим, включенный телевизор – и вот звонят, просят. Зачем? Ясно зачем. Да, но случись там что, а мало ли что может случиться, – шумели, нагрубили кому, вызвали подозрение зорких окружающих...

– Ну? – она слегка улыбалась, ждала ответа.

– Ты знаешь... В общем, не все так просто, если уж честно.

– Не дал бы? Я тоже не знаю, что бы сделала. Во всяком случае, не отговаривала бы тебя. Видишь, какие мы...

Мимо проплывали уснувшие подъезды с темными крутыми лестницами и запыленными лампочками лифтов. Он старался не смотреть на высокие двери этих подъездов. Он смотрел вперед, в черную даль переулка.

Он старался прогнать возникающие перед глазами лица, а они что-то говорили ему, кто смеясь, кто морща лоб, и он затравленно объяснял им: «Тут судьба, рок»

– Не повезло нам, – вдруг отрешенным голосом сказала она. – Я про поездку. Видимо, мы не заслужили. В нравственном смысле.

– Ну отчего же? – неестественно бодро отозвался он. – Хорошо, по крайней мере, что ты не купила эту путёвку... и вдруг встрепенулся: – А знаешь, есть еще вариант! Имеет смысл

попытаться. Вариант надежнейший, правда, в нравственном смысле как раз жестокий.

– Ты собираешься позвонить какой-нибудь своей женщине?

– У меня нет своей женщины, – выделил он это слово. – Приятелю... Но он болен. Лежит. Уже месяца три не встаёт.

– И он знает?

– Да. Вскрыл пакет, прочел. Дают такой в поликлинике, когда оформляют инвалидность. Он его и вскрыл, над чайником.

– Но звонить ему – кошунство.

– Так-то оно так, да трубку не он поднимает. Там Маша, а Маша... С ней можно договориться, она без предрассудков.

– Ты что говоришь?

– А Маша и не скрывает. Аркадий развёлся, ушел к другой, да там и заболел. А помирать вернулся к Марии. Мучает её. Не столько своей болезнью, а тем, что играет...

– Как играет?

– На бегах! Умудряется просаживать почти все деньги.

– Ты же говоришь – он лежит.

– Лежит. Играет через знакомого деда. Ставки передаёт сын. Старик регулярно навещается, таскает ему программки. Самое интересное, что Мария делает вид, будто не знает. Но разговаривать с ним бесполезно – он всю жизнь играет. Это, знаешь, своего рода болезнь... Он и меня раньше частенько таскал туда. Однажды упала лошадь, скачки прекратились, и вот тут-то обнаружили настоящие игроки. Они повернулись и стали играть на номера проходящих машин... Позвоню... Я их как-то выручил. Аркадий мог загреть. Мария должна выручить, только зайдем вместе, я не могу смотреть, как ты мокнешь...

Она покорно пристроилась рядом. Номер был набран.

– Добрый вечер, – сказал он. – Как там Аркадий? Свободной рукой он коснулся её влажных волос, но жест этот – сейчас, сию минуту, при этом разговоре – им обоим показался неуместным, пошлым.

«Я уже ничего не соображаю, – он ругал сам себя, – почему она сама не нажмет на этот дурацкий рычаг?»

Но, ругая себя так, он изворотливо объяснял Маше цель звонка, безропотно выслушивал замысловатый ответ. Паспорт в тумбочке у кровати, надо идти к Аркадию просить. Аркадий никогда никому не делает неясных одолжений...

Вышло, однако, иначе. Маша, помолчав, неожиданно объявила, что можно приезжать, паспорта она вынесет. Победа не вызвала радости. Он поймал себя на том, что, разговаривая с Машей, улыбался. Он чувствовал, что улыбка выходит гаденькой, что сам он выглядит со стороны азартным игроком, ослепленным к тому же неуместным упрямством.

Всё в порядке, – сказал он, вешая трубку. – Всё в порядке. Можем ехать. Только надо спешить. Договорились, что Маша откроет дверь ровно в половине двенадцатого, чтобы не звонить...

– Я поняла. Она стащит паспорт?

– Да. Видимо, так. Бежим, раз уж затеяли.

Они понеслись по Петровке. Мимо галерей Пассажа, в гулких сводах которого умирала суeta дня. Промелькнули решетки двора Большого театра, где виднелись сваленные декорации, проскочили чугунный навес с афишами в простенках.

У колонн смешались с толпой выходящих из театра зрителей. Защелкали зонты. Чей-то смех больно резанул слух. Он вдруг поймал себя на том, что эта авантюра давно стала ему ненавистна.

Незаметно они перешли на шаг. И по мере приближения к метро шли все медленнее. И расстояние между ними незримо увеличивалось. Она шла уже впереди. На плече – вишневого цвета сумочка, казавшаяся теперь черной. Желтый плащ намок, а сапожки с лисьими мордочками она передвигала с трудом. Лайковые перчатки положила в левый карман, а в правом тонкими длинными пальцами теребила сложенную вчетверо путевку, которую утром принесла соседка по отделу.

«Бери, – сказала добрая женщина. – И дай вам Бог устроиться там!»

Она смотрела на спешащих людей и неожиданно обнаружила, что уже давно плачет.

Просто дождь тяжелыми струями смывал следы слёз. И она старалась подставить дождю лицо, не ощущая промозглости и порывов ветра.

Подойдя к метро, она внезапно свернула направо и потянула его за собой.

– Что мы делаем? – сказала она. – Мы сумасшедшие!..

– Да. – Согласился он.

– Я доеду одна. Давай быстро-быстро разъедемся! Не провожай меня.

– Хорошо, – сказал он.

– Позвони Марии, скажи, что мы не приедем.

– Хорошо, сказал он.

– И дай мне слово, что ты никогда, никогда не будешь вспоминать этот вечер... Мы должны забыть его, забыть.

– Хорошо, – сказал он.

– Я пойду.

Он подался вслед, хотел спросить, когда они увидятся, но вовремя остановился. Зачем? И, обернувшись, зашагал прочь.

К автобусной остановке. Neкаýalar